

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ГОТОВНОСТЬ К МАТЕРИНСТВУ КАК ДИНАМИЧЕСКОЕ СИСТЕМНО-СТРУКТУРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Т.А.Гурьянова

Еще Л.С. Выготский писал, что ребенок в момент родов отделяется от матери лишь физически. «...Если ребенок физически отделяется от матери в момент родов, то биологически он не отделяется от нее до самого конца младенческого возраста, пока не научится самостоятельно ходить, а его психологическая эмансипация от матери, выделение себя из первоначальной общности с ней наступает вообще только за пределами младенческого возраста, в раннем детстве...» [1, с.305]. Младенец в своем сознании еще не отделяет себя от матери, для его активности открыт только один путь к внешнему миру – путь, пролегающий через другого человека, другой человек для младенца – это центр всякой ситуации. В первую очередь это, конечно мать, «...первый контакт ребенка с матерью до того тесен, что, скорее можно говорить о слитном существовании, чем о контактном...» [1, с. 277]

В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев [2] отмечают, что ребенок зарождается, рождается и живет в системе реальных, живых связей с другими людьми (в первую очередь с матерью). Ребенок рождается не в качестве отдельного тела в пространстве тел физической реальности, а в культурно-историческом поле наличной социальности, наличных форм деятельности, форм сознания. Своим рождением ребенок поляризует это поле, преобразует жизнедеятельность взрослых в способ своего существования. Взрослый для ребенка – фундаментальное онтологическое основание самой возможности возникновения человеческой субъективности, основание его нормального развития и полноценной жизни. Эту уникальную, внутренне противоречивую живую общность двух людей авторы обозначают как событие, как нераздельность и неслиянность двух самостоятельных форм бытия. Событие есть та подлинная ситуация развития, где впервые зарождаются специфически человеческие способности.

Рассматривая мать и ребенка как единую систему (диада «мать – ребенок» (Р.Ж. Мухамедрахимов, Дж. Капрара, Д. Сервон и др.), «взросло-детская общность» (А.Г. Асмолов), система «мать – дитя» (Г.Г. Филиппова, А.С. Батуев и др.), « совме-

щенная психологическая система» (Л.С. Выготский, В.Е. Ключко) и т.д.) исследователи поднимают проблему определения места ребенка как психологической системы в системе матери. Ребенок – это система, подсистема или часть системы матери? Если рассматривать ребенка как отдельную сформировавшуюся систему, это исключает необходимость рассмотрения взрослого и ребенка в единстве, так как система сама может воспринимать, отсеивать и усваивать только то, что для существования и развития данной системы необходимо. Понимание ребенка как части системы матери (на ранних стадиях онтогенеза ребенок не способен самостоятельно представить реальную действительность) не дает возможности для осознания ребенка как становящейся системы. Ведь для полноценного самостоятельного развития ребенка необходим его постепенный выход из границ материнской системы, развитие его способностей не только усваивать окружающую действительность, но и преобразовывать ее. Это во многом зависит от способности взрослого «выпускать» ребенка за рамки своей системы.

Е.Н. Козлова [3], говоря о единой психологической системе «мать – ребенок», определяет ребенка как подсистему, имеющую свое системообразующее начало, которая в первое время жизнедеятельности не способна самостоятельно представить самостоятельную действительность, то есть свой мир. Именно мир матери дает ребенку возможность наделять значениями, смыслами и ценностями внешнюю реальность. Это значит, что мир для ребенка таков, каким научили его видеть (в первую очередь – мать).

Качество многомерного мира взрослого определяет качество его жизни (образ жизни), следовательно, образ жизни той системы, в которую непосредственно включен ребенок будет влиять на формирование его мира. Ребенок обладает и характеристиками системы (способность воспринимать, встраивать, производить новообразования), и характеристиками подсистемы (неспособность самостоятельно выстраивать свой личностный мир). Чтобы система развивалась, она должна быть открытой, т. е. необходимо

взаимодействие между элементами внешнего мира (культуры) и определенной части системы.

Итак, в рамках нашего исследования мать и ребенок рассматриваются как подсистемы совмещенной психологической системы «мать-дитя». Система «мать-дитя» в своем становлении проходит ряд этапов. Начало ее становления начинается задолго до того, как реально появляется подсистема «дитя», т.е. задолго до реального рождения ребенка. Психологическое содержание готовности к материнству формируется до беременности, трансформируется во время беременности, родов и после них. На разных стадиях становления совмещенной психологической системы «мать-дитя» в структуре психологической готовности к материнству будут доминировать различные ее составляющие.

Структуру психологической готовности к материнству определяет противоречие между сложившимся образом жизни и тем образом жизни, который предполагается после рождения ребенка (через образ «Я – мать»). Поэтому наряду с ценностно-смысловыми параметрами образа мира будущей матери, в структуру готовности к материнству входят параметры готовности к изменению образа жизни (такие как ригидность, локус контроля, рефлексивные возможности будущей матери). С ними связана и динамика будущих трансформаций указанной готовности.

В структуре психологической готовности к материнству можно выделить следующие аспекты:

1). Мотивационный аспект – мотив рождения ребенка, ответственность за его рождение и воспитание, чувство долга.

2). Оценочный аспект – рефлексия своей подготовленности и соответствия себя в роли матери оптимальному образу матери (механизм идентификации).

3). Эмоциональный аспект – эмоциональное восприятие ситуации материнства (комфорт/дискомфорт), преобладающий фон настроения, сопровождающий беременность и взаимодействие с ребенком, удовлетворенность или неудовлетворенность ролью матери.

4). Операционный аспект – материнская компетентность: владение способами, приемами, знаниями, навыками, умениями, необходимыми для ухода за ребенком, умение моделировать собственную деятельность.

5). Регуляционный аспект – саморегуляция женщины во время беременности и после

рождения ребенка во взаимодействии с ним посредством следующих факторов:

1) факторы, обуславливающие динамические характеристики трансформации образа жизни (ригидность - гибкость).

2) факторы, обуславливающие рефлексивные возможности человека, определяющие участие самосознания в трансформации образа жизни (внешний и внутренний локус контроля).

На стадии подготовки к беременности в психологической готовности к материнству доминируют оценочный аспект, проявляющийся в мере расхождения между сложившимся (устоявшимся) образом «Я» и образом «Я – мать»; и мотивационный аспект, проявляющийся в формировании мотива рождения ребенка.

Мотивационная сторона материнства формируется на протяжении всей жизни женщины. Г.Г. Филиппова [4] выделяет в онтогенезе «материнской» потребностно-мотивационной сферы до беременности четыре этапа, которые имеют разные возрастные границы и разную роль в возникновении и развитии содержаний всех блоков «материнской потребностно - мотивационной сферы».

1 этап. Взаимодействие с собственной матерью.

Этот этап начинается с внутриутробного периода развития и продолжается практически всю жизнь женщины. Наиболее значимым является младенческий и ранний возраст, когда у ребенка сохраняется гештальт младенчества. Это сензитивный период для формирования базовых основ личности и отношения к миру.

2 этап. Развитие материнской сферы в игровой деятельности.

Игровая деятельность имеет большое значение в развитии психики ребенка вообще. И хотя этот этап мало исследован в плане развития материнства, однако, как отмечает Г.Г. Филиппова, все соглашаются с тем, что в сюжетно – ролевых играх в дочки – матери и в семью происходят конкретизация и развитие некоторых компонентов материнской сферы. Важным является включение содержаний материнства именно в сюжетно – ролевую игру, в которой девочка принимает на себя роль матери. Это игры с куклой- младенцем или с другими детьми, где они исполняют роли матери и ребенка.

3 этап. Няньчание.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ГОТОВНОСТЬ К МАТЕРИНСТВУ КАК ДИНАМИЧЕСКОЕ СИСТЕМНО-СТРУКТУРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Г.Г.Филиппова отмечает, что в биологии большое значение придается опыту взаимодействия молодых животных с детенышами младенческого возраста. Такую возможность получают подрастающие детеныши приматов и некоторых других стадных млекопитающих. Наиболее распространено нянчение у млекопитающих.

В психологии же отмечается только важность для женщины опыта взаимодействия с младенцами в детском возрасте. Результатом такого опыта является, помимо освоения некоторых навыков обращения с ребенком, появление к нему интереса и положительно – эмоционального отношения.

4 этап. Дифференциация мотивационных основ материнской и половой сфер.

Данный этап развития материнской потребности – мотивационной сферы является наименее изученным. Этот этап имеет большее значение для потребности – эмоционального блока, чем для остальных. Относительно ценностно – смыслового блока можно говорить о конкретизации культурной модели связи половой и материнской сфер. Кроме того, угроза нежеланной беременности подвергает серьезному испытанию самостоятельную ценность сопровождения, ценности ребенка и условий их взаимодействия.

В основе оценочного компонента психологической готовности к материнству лежат рефлексивные возможности женщины, а также психологический механизм идентификации, которая понимается как уподобление одной личности другой, отождествления себя не только с другим человеком, но и с идеалами, образцами, с общественными ценностями, со своими стремлениями, целями.

В период беременности в структуре психологической готовности к материнству доминируют регуляционный аспект, проявляющийся в смещении локуса контроля и осознании реально происходящих изменений в образе жизни (отказ от привычных жизненных стереотипов и обретение новых); и эмоциональный, проявляющийся в особенностях эмоционального переживания беременности, настроя на роды, принятия роли матери. Переломным моментом в беременности, по нашему мнению, является появление и стабилизация ощущений шевеления ребенка. Это событие имеет огромное значение для осознания ребенка как субъекта общения.

После родов в психологической готовности к материнству доминируют операционный аспект, проявляющийся в особенностях про-

явления материнской компетентности; регуляционный, проявляющийся в особенностях саморегуляции женщины в новых изменившихся условиях; и эмоциональный, проявляющийся в удовлетворенности ролью «Я-мать» при ее доминировании в «образе-Я» женщины, реалистичность которой обуславливается смещением ценностно – смысловых составляющих образа мира.

Становление совмещенной психологической системы «мать-дитя» после рождения ребенка также проходит ряд этапов. Сначала разрывается физиологическая связь, однако биологически и психологически ребенок полностью зависит от матери: она его выкармливает, без нее он не может передвигаться и т.д. Ребенок учиться ходить, самостоятельно есть, овладевает навыками самообслуживания и, казалось бы, на физиологическом уровне приобретает некоторую самостоятельность, однако взрослый (в первую очередь мать) еще очень долго ему необходим, потому что только с помощью взрослого ребенок имеет выход в культуру, выстраивает свой образ мира, что собственно и делает его Человеком.

Вхождение ребенка в культуру возможно только с помощью взрослого. Мать и ребенок, являясь подсистемами совмещенной психологической системы, выполняют каждый свою функцию и роль: взрослый обеспечивает связь ребенка с культурой, ребенок ищет выходы в нее через взрослого (мать). Это и обеспечивает со временем все большую суверенизацию одного из членов данной системы (ребенка). Мать – медиатор, проводник ребенка в культуру (Л.С. Выготский, В.Е. Ключко), «информационный проводник» (А.С. Батуев).

Мы согласны с мнением В.Е. Ключко [5], что, выстраивая образ мира с помощью взрослого, ребенок на каждом возрастном этапе выходит на новый уровень сознания: предметный, смысловой, ценностный. Каждый переход на новый уровень ознаменовывается кризисом в развитии ребенка. Кризисы в развитии ребенка – закономерное явление. Проявления каждого кризиса в поведении сигнализируют родителям о том, что ребенок выходит на новый уровень развития, что требует от родителей смены своей позиции во взаимоотношениях с ним. По мере развития ребенок научается самостоятельно выходить в культуру и «вычерпывать» из нее основания для построения своего образа мира, что является одной из характеристик

суверенной личности. Огромную роль при этом играет способность матери «выпускать» ребенка за рамки своей системы, а однажды «отпустить» его совсем. В случаях нежелания и неумения «отпустить» ребенка от себя, мы можем наблюдать отрицательные последствия симбиотических взаимоотношений матери и ребенка. Н.В. Самоукина [6] квалифицирует их как препятствия для развития индивидуальности ребенка; ребенок растет зависимым, инфантильным, не способным принимать решения и нести ответственность за свои поступки. Такая личность не способна сама выстраивать свой образ мира и образ жизни.

Противоречие между образом мира и образом жизни является движущей силой развития системы «мать – дитя», в условиях первичной суверенности ребенка, своим рождением разорвавшим физиологический (но не психологический) симбиоз. Таким образом, после рождения ребенка готовность к материнству будет проявляться в готовности матери к психологической суверенизации ребенка.

Нами было проведено исследование, в котором приняли участие разные группы женщин: незамужние, не имеющие детей – 30 человек; замужние, не имеющие детей – 30 человек; беременные, ожидающие первого ребенка, на разных сроках беременности – 50 человек; женщины, имеющие первого ребенка в возрасте до трех лет – 90 человек. Всего в нашем исследовании приняло участие 200 человек в возрасте от 17 до 37 лет.

На первом этапе нашего исследования с испытуемыми была проведена проективная методика «Фигуры», разработанная В.И. Брутман, Г.Г. Филипповой, И.Ю. Хамитовой [7] с целью определения типа психологической готовности к материнству. В результате все испытуемые были распределены в две группы: группа женщин со сформировавшейся готовностью к материнству и группа женщин с несформированной готовностью.

С каждой женщиной было проведено полуструктурированное интервью с целью выявления особенностей становления «материнской потребностно-мотивационной сферы» и материнской компетентности. Результаты беседы показали следующее. Основная часть наших испытуемых (88%) воспитывалась в полных семьях; 9% испытуемых, росли в неполных семьях (без отца); 2% росли у родственников по причине смерти родителей и 1% испытуемых воспитывались в детском

доме. Среди испытуемых, росших не в полной семье или не в родительской семье, 56% – женщины из группы со сформировавшейся готовностью к материнству и 44% из группы с несформированной готовностью. Среди наших испытуемых есть женщины, которые были единственными детьми в семье (15%), остальные имели братьев и сестер. Как правило, детей в семье двое, испытуемых из многодетных семей (трое детей и более) в нашем исследовании очень мало (4%). Отношения с братьями и сестрами, как правило, характеризуются, как «теплые», «ну, дрались иногда, как и все» и т.п. На вопросы о ревности родителей к братьям и сестрам 70% испытуемых признались, что ревновали, 30% констатируют факт, что такого не было. Никакой четкой взаимосвязи между данными факторами и типом готовности к материнству мы не просмотрели.

Основная часть испытуемых утверждают, что играли в детстве в куклы (97%), «дочки-матери» (94%), где чаще занимали роль матери (83%). Также большая часть испытуемых утверждают, что нянчились в детстве с младшими детьми (86%), остальные 14% на вопрос: «Почему не нянчились?», давали ответ, что не было знакомых маленьких детей. Данные вопросы, на наш взгляд, не могут являться вескими в плане прогноза у испытуемой типа готовности к материнству, потому что, вообще, игры в куклы, «дочки-матери» и нянчение с младшими детьми для девочки в детском возрасте достаточно типичное явление для нашей культуры. Взрослые сами задают данные стереотипы поведения, дифференцировано подбирая для своих детей игрушки (мальчикам – машины, девочкам – куклы), не одобряя формы поведения, не свойственные полу ребенка (если девочка, то не должна лазить по деревьям и драться и т.д.).

По характеристикам, которые давали наши испытуемые своим отношениям с матерью, как в детстве, так и сейчас, их можно разделить на две группы. Первая группа – женщины, которые удовлетворены своими отношениями с матерью (58%), характеризуют их как «теплые», «дружеские», «бесконфликтные», «нормальные, меня устраивают» и т.п. (среди них 88% – женщины из группы со сформировавшейся готовностью к материнству и 12% из группы с несформированной готовностью). Вторая группа – женщины, которые не удовлетворены своими отношениями с матерью (42%), характеризуют их как «конфликтные», «прохладные», «нейтраль-

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ГОТОВНОСТЬ К МАТЕРИНСТВУ КАК ДИНАМИЧЕСКОЕ СИСТЕМНО-СТРУКТУРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

ные», «хотелось бы лучше», «мама уделяла мне мало внимания», «моя мама очень авторитарный человек, мое мнение ею никогда не учитывалось», «моя мать мне вообще не нравится, как человек» и т.д. (среди них 39% - женщины из группы со сформировавшейся готовностью к материнству и 71% из группы с несформированной готовностью). Таким образом, наше исследование показало, что среди выделенных Г.Г. Филипповой, С.Ю. Мещеряковой [8] и др. факторов, влияющих на формирование готовности к материнству, ведущим является особенности опыта взаимоотношений испытуемой с собственной матерью, причем не только в раннем детстве, но и на протяжении всей дальнейшей жизни.

В нашем исследовании мы применили технику репертуарных решеток Дж. Келли с целью выявления особенностей оценивания себя в роли матери испытуемыми с разным типом психологической готовности к материнству. В ходе работы нами оценивалась степень идентификации или ее отсутствия между заданными ролями («Я сама», «Я-мать», «Я-дочь», «Моя мать», «Мой ребенок», «Моя ближайшая родственница, которая имеет ребенка», «Моя подруга», «Хорошая мать», «Плохая мать», «Знакомая беременная женщина», «Знакомый ребенок, который мне нравится», «Знакомый ребенок, который мне не нравится», «Счастливая женщина», «Несчастливая женщина», «Женщина из моего окружения, которая мне не нравится»). Высокую степень идентификации показывают низкие соединения ролевых ветвей между собой (уровни 12-15), группы таких низких соединений называются «склеяками». Анализ ролевых деревьев показал следующее.

1. Высокая степень идентификации ролей «Я сама» и «Я – мать»:

а) женщины со сформировавшейся готовностью к материнству:

не имеющие детей, незамужние - 87%; замужние, бездетные – 77%; беременные – 94%; женщины, имеющие детей – 91%.

б) с несформированной готовностью к материнству

не имеющие детей, незамужние - 30%; замужние, бездетные – 36%; беременные – 56%; женщины, имеющие детей – 77%.

Как видим у женщин со сформировавшейся готовностью к материнству высокая степень идентификации ролей «Я сама» и «Я – мать», т.е. мы делаем вывод, что женщины со сформировавшейся готовностью к мате-

ринству отличаются принятием роли матери для себя. У женщин с несформированной готовностью к материнству, не имеющих детей, количество женщин принимающих роль матери меньше, чем у женщин, имеющих детей и беременных. Это связано, на наш взгляд, с тем, что женщины уже имеющие ребенка и беременные, осознающие факт неизбежности деторождения, вынуждены принимать роль матери.

2. Высокая степень идентификации ролей «Я сама», «Я – мать» и «Моя мать».

а) женщины со сформировавшейся готовностью к материнству:

не имеющие детей, незамужние - 100% всех характеристик; замужние, бездетные – 69%; беременные – 94%; женщины, имеющие детей – 75%.

б) с несформированной готовностью к материнству

не имеющие детей, незамужние - 83%; замужние, бездетные – 83%; беременные – 92%; женщины, имеющие детей – 66%.

Анализируя полученные данные, мы пришли к выводу, что у женщин из группы со сформировавшейся и из группы с несформированной готовностью к материнству, у которых ролевое дерево показывает высокую степень идентификации ролей «Я сама» и «Я – мать», как правило, наблюдается высокая степень идентификации ролей «Я сама», «Я – мать» с ролью «Моя мать».

Анализ ролевых деревьев женщин, у которых в ролевом дереве не проявилась высокая степень идентификации между ролями «Я сама» и «Я – мать» (из них 23% женщины из группы со сформировавшейся готовностью к материнству и 77% из группы с несформированной), позволил выявить следующие тенденции. У 29% испытуемых роль «Моя мать» вообще противопоставлена обеим ролям, как роли «Я сама», так и роли «Я – мать», что говорит о полном непринятии своей матери и конфликтных отношениях с ней, что и было подтверждено в беседе. У 71% испытуемых высокую степень идентификации с ролью «Моя мать» имеет одна из данных ролей (83% деревьев испытуемых показали высокую степень идентификации между ролями «Я – мать» и «Моя мать» и 17% деревьев между ролями «Я сама» и «Моя мать»). У тех женщин, у которых ролевое дерево показало высокую степень идентификации ролей «Я – мать» и «Моя мать», как правило (80% испытуемых), высокая степень идентификации данных ролей с ролями «Хо-

рошая мать» и «Счастливая женщина». Т.е. получается следующая ситуация: я как мать похожа на свою мать, хорошая мать и счастливая женщина, а я сама – другая, не все мои личностные качества совпадают с качествами хорошей матери. У всех женщин, у которых высокая степень идентификации ролей «Я сама» и «Моя мать» (20% испытуемых), роль «Я – мать» противопоставлена данным ролям, во всех случаях наблюдается высокая степень идентификации одной из этих ролей с ролью «Хорошая мать» (у всех вышеперечисленных испытуемых высокая степень идентификации ролей «Плохая мать» и «Женщина, которая мне не нравится» и противопоставление данное «склейки» всем другим ролям), однако здесь противопоставлены роли «Счастливая женщина» и «Несчастливая женщина». Либо «Я сама» счастливая, а как мать нет, либо наоборот. Т.е. здесь, на наш взгляд, проявились сложность и многообразие понятия счастья, у каждой женщины оно свое, не у всех счастье исчерпывается только материнством. В нашем исследовании довольно типична ситуация: Испытуемая Н., 28 лет, «...Как мать я счастлива, а как женщина нет, у нас с мужем напряженные отношения, постоянные скандалы, живем на грани развода...» или испытуемая Б., 25 лет «...Я после института сразу ушла в декрет, сижу уже три года, мне кажется, я уже все забыла, я ведь совсем не работала по своей профессии, кто меня теперь возьмет...». Данная ситуация характеризуется нами как ситуация «внедряющихся» потребностей, которые на данном этапе по объективным причинам не могут быть реализованы, что не позволяет женщине чувствовать себя полностью счастливой, а раздражение от невозможности реализации других потребностей может переноситься в сферу взаимоотношений с ребенком: «...Злюсь на мужа, срываюсь на ребенка...» и т.п.

3. Среди женщин, у которых проявилась высокая степень идентификации ролей «Я сама», «Я – мать» и «Моя мать» 61% - женщины из группы со сформировавшейся готовностью к материнству и 49% - из группы с несформированной готовностью. У 87% женщин из группы со сформировавшейся готовностью к материнству ролевое дерево представляет из себя две, реже три «склейки» (вместо третьей склейки может быть просто отдельная роль). Первая «склейка» включает в себя сочетание следующих ролей: «Я сама», «Я – мать», «Я – дочь», «Моя мать»,

«Мой ребенок», «Хорошая мать» и «Счастливая женщина», что указывает на удовлетворенность женщины ролью матери; вторая или две других «склейки» сочетание ролей: «Плохая мать», «Женщина, которая мне не нравится», «Ребенок, который мне не нравится», «Несчастливая женщина»; такие роли, как: «Моя ближайшая родственница, которая имеет ребенка», «Моя подруга», «Знакомая беременная женщина», «Ребенок, который мне нравится» могут располагаться в любых склейках, в зависимости от того, как испытуемая оценивает людей подобранных на данные роли.

У женщин из группы с несформированной готовностью к материнству в ролевом дереве проявляется одна из следующих проблем:

а) при идентификации ролей «Я сама», «Я – мать» и «Моя мать» отсутствие идентификации с ролью «Хорошая мать» или «Плохая мать», т.е. данные испытуемые не идентифицируют себя ни с хорошей, ни с плохой матерью (23% данной выборки). Соединения в ролевом дереве с данными ролями находится или на среднем, или на высоком уровне, что означает либо отсутствие идентификации с данными ролями, либо вообще противопоставление им. Т.е. испытуемая не дает себе оценки ни как хорошей матери, ни как плохой, что, на наш взгляд, говорит о низком уровне рефлексии;

б) при идентификации ролей «Я сама», «Я – мать», «Моя мать», «Хорошая мать», «Счастливая женщина» противопоставление с ролью «Мой ребенок», причем роль «Мой ребенок» идентифицируется с ролью «Ребенок, который мне не нравится» (9% испытуемых). Эти женщины, принимая себя в роли матери, отвергают своего ребенка. Т.е. данные женщины не принимают своего ребенка, что, возможно, отражается в материнско-детских взаимоотношениях;

в) высокая степень идентификации ролей «Я сама», «Я – мать» с ролью «Женщина, которая мне не нравится», что, на наш взгляд, отражает наличие проблем в принятии самой себя (7% испытуемых). Такая ситуация является показателем низкой самооценки;

г) у остальных испытуемых (61%) в ролевом дереве проявляется высокая степень идентификации ролей «Я сама», «Я – мать» с ролью «Несчастливая женщина», что, как уже описывалось выше, говорит о неудовлетворенности только ролью матери и желанием

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ГОТОВНОСТЬ К МАТЕРИНСТВУ КАК ДИНАМИЧЕСКОЕ СИСТЕМНО-СТРУКТУРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

удовлетворить другие внедряющиеся ценности: работа, увлечения, отношения с другими людьми и т.д.

На основании анализа положительных личностных конструкторов, подобранных женщинами для ролей «Я – мать» и «Хорошая мать» мы делаем вывод, что женщины, принявшие участие в исследовании для оценивания себя в роли матери подбирали социально одобряемые личностные характеристики. Однако нами было выявлено, что женщины из группы со сформировавшейся готовностью к материнству оценивали себя более критично, чем женщины из группы с несформированной готовностью. У женщин из группы с несформированной готовностью к материнству наблюдалась следующая тенденция: из пятнадцати личностных характеристик было предложено в среднем четырнадцать положительных и одна отрицательная. У женщин из группы со сформировавшейся готовностью к материнству: у не имеющих детей (в том числе и у беременных) в среднем из пятнадцати характеристик – тринадцать положительных и две отрицательных, а у имеющих детей в среднем из пятнадцати – двенадцать положительных и три отрицательных. Это говорит о том, что у женщин из группы со сформировавшейся готовностью к материнству более развита рефлексия, они более критично рассматривают себя в роли матери. Все группы испытуемых более критично оценивали женщин, выбранных на роль «Хорошая мать». В среднем у всех групп женщин, как со сформировавшейся, так и с несформированной готовностью к материнству из пятнадцати личностных характеристик «Хорошей матери» двенадцать оценивались положительно, три – отрицательно.

Итак, в образе мира женщин как со сформировавшейся, так и с несформированной готовностью к материнству достаточно четко представлен социально одобряемый нашей культурой образ матери и ребенка. Это хорошо отражено в тех характеристиках, которые даются женщинами для описания хорошей матери, себя в роли матери и проектирования образа ребенка. Однако анализ рисунков «Я и мой ребенок» и ролевых деревьев техники репертуарных решеток Дж. Келли показывал, что у женщин с несформированной готовностью, в отличие от женщин со сформировавшейся готовностью, не бессознательном уровне мы видим принятие роли матери для себя. Особенно четко это просматривается в ролевых деревьях

женщин, не имеющих детей, с несформированной готовностью к материнству, где роли «Я сама» и «Я – мать» не идентифицируются друг с другом или вообще противопоставлены друг другу. Таким образом, наше предположение о том, что на стадии подготовки к рождению ребенка психологическая готовность к материнству отражает меру расхождения между сложившимся (устоявшимся) образом «Я» и образом «Я – мать» подтверждается. Чем меньше это расхождение, тем больше женщина принимает для себя роль матери, тем более она психологически готова к материнству. Особого внимания заслуживают женщины из группы с несформированной готовностью к материнству, уже имеющие ребенка, которые фактически вынуждены принять на себя роль матери, что и отражено в их ролевых деревьях. Но в рисунках и ролевых деревьях этих женщин вскрываются проблемы, которые отражают неудовлетворенность данной ролью (эмоциональный компонент психологической готовности к материнству), что, как правило, приводит к нарушению материнско-детских взаимоотношений.

Для выявления особенностей образа себя в роли матери и образа ребенка нами были также применены такие проективные методики, как рисунок «Я и мой ребенок», методика «Незаконченные предложения» и тест «Эпитеты». Результаты проведения данных методик позволили нам увидеть разницу в выстраиваемых образах себя в роли матери и своего ребенка у женщин с разным типом готовности к материнству. У женщин со сформировавшейся готовностью к материнству образ себя и ребенка носит более четкий, детальный, конкретный характер. Характеристики, даваемые ребенку, эмоционально окрашены положительно, физические недостатки ребенка вызывают чувство жалости. У женщин с несформированной готовностью к материнству образ себя в роли матери и ребенка представлен нечетко, размыто, подробная детализация образа сведена к минимуму либо отсутствует совсем. Характеристики, даваемые ребенку, чаще носят нейтральный или отрицательный характер, имеется тенденция сводить физические недостатки ребенка к отрицательным особенностям его характера.

Среди беременных женщин, принявших участие в нашем исследовании 15 человек приняли участие в повторном обследовании, через три месяца после рождения ребенка.

На первом этапе, во время беременности, сроки с 27 по 38 недели по результатам проведения теста «Фигуры» 47% из данных женщин были отнесены нами в группу со сформировавшейся готовностью к материнству, 53% в группу с несформированной готовностью. Через три месяца после рождения ребенка после проведения данной методики повторно 13% женщин из группы с несформированной готовностью к материнству после повторного проведения данной методики были отнесены нами в группу со сформировавшейся готовности к материнству. Остальные испытуемые остались в группах, в которые попали во время беременности.

У 67% женщин из группы с несформированной готовностью к материнству, которые при повторном обследовании после рождения ребенка были вновь отнесены нами в группу с несформированной готовностью в рисунках «Я и мой ребенок», нарисованных после рождения ребенка появились признаки отрицательного характера, которых не было в рисунках, нарисованных во время беременности. Например, во время беременности зрачки в глазах фигур матери и ребенка были прорисованы, после рождения ребенка в фигурах матери и ребенка изображены пустые глазницы или во время беременности фигура матери была изображена целиком, хотя и маленького размера, после рождения ребенка изображена только голова матери маленького размера с пустыми глазницами. В ролевых деревьях техники репертуарных решеток этих женщин также наблюдаются изменения отрицательного характера. Во-первых, уровень «склеек» ролей «Я сама» и «Я – мать» после рождения ребенка поднялся на два балла. Это говорит о том, что произошло снижение степени идентификации этих ролей, т.е. «отодвигание» от себя роли матери. В 50% случаев также произошло снижение степени идентификации ролей «Я – мать» и «Хорошая мать», а также между ролями «Я – мать» и «Плохая мать», что говорит о снижении рефлексии в оценивании себя в роли матери. В других 50% случаев произошло даже противопоставление ролей «Я – мать» и «Хорошая мать» и увеличение степени идентификации между ролями «Я – мать» и «Плохая мать». Это говорит о том, что у данных женщин растет недовольство собой в роли матери, т.е. во всех случаях можно отметить рост неудовлетворенности данной ролью. А также у всех этих испытуемых наблюдается снижение степени идентификации ролей «Я –

мать» и «Счастливая женщина», и увеличение степени идентификации ролей «Я – мать» и «Несчастливая женщина», что еще раз подтверждает неудовлетворенность этих женщин новой ролью.

У 33% испытуемых в рисунках, нарисованных во время беременности и после рождения никаких изменений не наблюдается, рисунки очень похожи друг на друга. Такая же стабильность наблюдается и в ролевых деревьях техники репертуарных решеток.

В рисунках женщин, перешедших из группы женщин с несформированной готовностью к материнству в группу со сформировавшейся готовностью, также наблюдаются изменения, но уже положительного характера. Например, в рисунке, нарисованном во время беременности фигура матери изображена паутинообразными линиями (признак тревожности), что говорит о нечетком представлении себя в роли матери, а в рисунке, нарисованном после рождения ребенка фигура матери изображена четкими, уверенными линиями. Еще пример, у матери и ребенка на нарисованном во время беременности рисунке четко прорисованы ноздри (признак агрессивности, враждебности), на рисунке, изображенном после рождения ребенка носы нарисованы плавными линиями без прорисовки ноздрей. В ролевых деревьях данных испытуемых также наблюдаются положительные изменения. Во-первых, увеличение степени идентификации ролей «Я – мать» и «Моя мать», во-вторых, увеличение степени идентификации ролей «Я – мать» и «Хорошая мать», в-третьих, снижение степени идентификации ролей «Я – мать» и «Несчастливая женщина».

У 67% женщин из группы со сформировавшейся готовностью к материнству на рисунках, изображенных после рождения ребенка изменений не отмечено. У 33% женщин из этой группы на втором рисунке появилась фигура отца, что интерпретируется нами как показатель положительных изменений в семье испытуемой. У данной группы испытуемых в ролевых деревьях техники репертуарных решеток, построенных во время беременности и после рождения ребенка, существенных различий не наблюдается, кроме того, что у 33% испытуемых увеличилась степень идентификации между ролями «Я – мать» и «Моя мать», что интерпретируется нами как положительное изменение.

В методике «Незаконченные предложения» в основном ответы, написанные женщи-

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ГОТОВНОСТЬ К МАТЕРИНСТВУ КАК ДИНАМИЧЕСКОЕ СИСТЕМНО-СТРУКТУРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

нами после рождения ребенка, не значительно отличаются от ответов, написанных во время беременности. Это связано, на наш взгляд, с тем, что, женщины, заполняя бланки после рождения ребенка, помнили, что они писали, заполняя такие же бланки во время беременности. Однако и здесь есть два интересных момента. Примеры:

1) Женщина из группы с несформированной готовностью к материнству с отрицательной динамикой образа себя в роли матери.

Предложение: «Я могла бы быть счастливой, если бы...»

Ответ во время беременности: «...у меня не бывает «если бы», я и так довольна тем, что имею, и конечно стремлюсь к хорошему, которое делаю сама».

Ответ после рождения ребенка «...купила жилье».

Здесь мы видим, что происходит изменение: от удовлетворенности ситуацией в целом происходит соскальзывание на материальные проблемы. Анализ результатов предложения «Я могла бы быть счастливой, если бы...» методики «Незаконченные предложения» у всех испытуемых, принявших участие в нашем исследовании, показал, что, как правило, акцентуация материальных проблем свойственна женщинам с несформированной готовностью к материнству.

2) Женщина, которая во время беременности была отнесена нами в группу женщин с несформированной готовностью к материнству, а после рождения ребенка в группу с сформировавшейся готовностью.

Предложение: «Считаю, что большинство матерей...»

Ответ во время беременности: «...должны иметь достойную материальную поддержку от своих мужей, тогда они захотят рожать от одного до десяти детей».

Ответ после рождения ребенка: «...очень счастливые люди».

Здесь мы видим обратный процесс предыдущему примеру.

Таким образом, мы видим, что в процессе становления совмещенной психологической системы «мать-дитя» у женщин могут происходить изменения в образе себя как матери и в образе мира в целом, как положительного, так и отрицательного характера.

Результаты проведения с нашими испытуемыми Томского опросника ригидности Г.В. Залевского (ТОРЗ) [9] и УСК Е.Г. Ксенофонтовой [10] позволили сделать

нам вывод, что такие системные характеристики как ригидность и локус контроля придают качественное своеобразие феномену психологической готовности к материнству, обуславливая степень открытости системы «мать-дитя».

Причем, при анализе результатов в выборке беременных женщин нами было отмечено, что чем больше срок беременности, тем ниже показатели по шкале достижений (УСК Е.Г. Ксенофонтовой). Данные изменения были подтверждены с помощью корреляционного анализа. То есть мы видим, что во время беременности в сфере достижений, как мы и предполагали, происходит смещение локуса контроля, что возможно связано с состоянием женщины.

Третий триместр беременности достаточно сложный. У женщины несколько усложняется самочувствие, она быстрее устает, затрудняется двигательная активность, часто ухудшается сон. Отмечается некоторое повышение тревожности, страха родов, беспокойство по поводу послеродового периода. Наряду с этим ощутимо снижается интерес ко всему, не связанному с ребенком, отсюда снижение интернальности в сфере достижений. Повышается активность, связанная с подготовкой к родам и послеродовому периоду.

Итак, в структуру психологической готовности к материнству наряду с ценностно-смысловыми параметрами образа мира входят параметры готовности к изменению образа жизни. Содержание феномена психологической готовности к материнству раскрывают следующие аспекты: мотивационный, оценочный, эмоциональный, операционный и регуляционный. На разных этапах становления совмещенной психологической системы «мать-дитя» отдельные аспекты играют ведущую роль в формировании психологической готовности к материнству. Это свидетельствует о том, что готовность к материнству является психологическим динамическим образованием, отражающим состояние совмещенной психологической системы «мать-дитя».

ЛИТЕРАТУРА

1. Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 4. Детская психология/Под ред. Д.Б. Элькнина. – М.: Педагогика, 1984. – 432 с.
2. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Основы психологической антропологии. Психология развития человека: Развитие субъективной реальности в

онтогенезе: Учебное пособие для вузов. – М.: Школьная Пресса, 2000. – 416 с.

3. Козлова Е.Н. Проблемы становления личности как самоорганизующейся системы в раннем онтогенезе / Человек как самоорганизующаяся психологическая система. Материалы региональной конференции, 20 октября 2000 г. – Барнаул: Изд-во БГПУ, 2000. – С. 45 – 52.

4. Филиппова Г.Г. Психология материнства: Учебное пособие. – М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002. – 240 с.

5. Ключко В.Е. Становление многомерного мира человека как сущность онтогенеза // Сибирский психологический журнал. – Вып. 8 – 9. – Томск, 1998. – с. 7 – 15.

6. Самоукина Н.В. Симбиотические аспекты

отношений между матерью и ребенком // Вопросы психологии. – 2000. – №3. – С. 67-81.

7. Брутман В.И., Филиппова Г.Г., Хамитова И.Ю. Методики изучения психологического состояния женщин во время беременности и после родов // Вопросы психологии. – 2002. – № 3. – С. 110 – 118.

8. Мещерякова С.Ю. Психологическая готовность к материнству // Вопросы психологии.-2000.- № 5.- С. 18 – 27.

9. Томский опросник ригидности Г.В. Залевского (ТОРЗ) // Сибирский психологический журнал. – 2000. – Выпуск 12. – С. 129-137.

10. Ксенофонтова Е.Г. Исследование локализации контроля личности // Психологический журнал. – 1999. – Том 20. – № 2. – С. 103-114.